

сивымъ закатомъ солнца, и эту лужайку, окаймленную вѣковыми деревьями Засѣки.

И мнѣ казалось тогда, что вся эта природа, и закатъ, и лужайка, все это только для нась, что до нась тутъ ничего не существовало. И действительно, мнѣ приходилось послѣ бывать на этомъ самомъ мѣстѣ, но я не узнавала его: и лужайка, и деревья какъ будто утратили и свою красоту, и свое значеніе.

Мы пробыли въ Ясной Полянѣ два дня и поѣхали къ дѣду въ деревню. Левъ Николаевичъ остался у себя.

Какъ сейчасъ помню, на третій день нашего пріѣзда я сидѣла съ дѣдушкой на терасѣ, когда Левъ Николаевичъ подѣхалъ къ намъ верхомъ на бѣлой лошади. Дѣдъ, знавшій его ребенкомъ и очень любившій его, радостно встрѣтилъ его. Левъ Николаевичъ нѣсколько уже лѣтъ не бывалъ въ Ивицахъ. Я тотчасъ же побѣжала сказать сестрѣ о его пріѣздѣ. И я видѣла, что она была счастлива и довольна этимъ извѣстіемъ.

Левъ Николаевичъ пробылъ въ Ивицахъ нѣсколько дней, принимая участіе въ шумной нашей жизни.

Не стану описывать рядъ устроенныхъ по случаю пріѣзда празднествъ, которыя особенно оживляла Ольга, дочь дѣдушки отъ второго брака,—красивая молодая дѣвушка нашихъ лѣтъ, впослѣдствіи замужемъ за М. М. Киріаковымъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда собрались у